Калининградский охотничий клуб

А. Чапыгин

Белая равнина

Источник текста: "Охота и охотничье хозяйство N 5 - 1991 г."
Оригинал здесь: Калининградский охотничий клуб.

Епифаныч лесом вышел в чужую волость...

Мутная тень от проходящего поезда ненадолго срезала со светлого пятна зреющей ржи серую высокую фигуру старика с ружьем...

- В несусветной глуши пошли, вишь ты, эти чугунные звери! - проговорил он вслух по привычке и поковырял в ухе ушекопкой, после того как зверь длительно прокричал железной глоткой. - Замычал, епишина мать!

И, вспомнив, забеспокоился: он видел, что до появления поезда его любимая собака Грунька по полотну гоняла зайца.

- Грунька! Эво-о, эво-о!.. Собаки не было, и на крик старика она не прибежала. Епифаныч, торопливо обойдя рожь, зашагал опушкой туда, где последний раз мелькнул заяц, поднялся на полотно и увидал: недалеко на рельсах лежала задняя часть собаки, изуродованная, с вырванными кишками, а передняя - с высунутым языком - сползла под откос.

- Ах ты, штоб тя! епишин сын... - Старик всплеснул руками, его длинная тень по желтому откосу тоже вся колыхнулась, взмахнула: - Прощай, Грунька! вот те и Грунька!

Нагнул голову, замолчал; ушел в лес, а в ушах почему-то звучало свадебное причитание старухи над невестой:

Прилетайте вы, птицы, носы железные...

Уж вы повыдергайте, птицы, гвозди шеломчатые!

"Да-а... вот они, птицы, носы железные... вот они, звери, змеи Горынычи, от их переведется лес - пустыня... Выстанет из дальних далей зверь с баками железными, и на месте съеденных лесов состроит зверь свое логово с воротами чугунными... Заревет медным рыком, пойдут в разные стороны зверята железные, начнут увозить пиленый лес да мох-пурдежь, а привозить зачнут посуду цветную, стекло узорчатое..."

Обернулся назад Епифаныч, снял шапку и долго слушал, пригнув упрямую голову, далекое, смутное постукивание колес и отзвуки замирающих гудков.

Пошел обратно домой через лес, считавшийся у многих непроходимым. Жил старик от чугунки далеко. Обида какая-то тлела в нем; обида неясная, но иногда необъяснимо колючая. А когда ложился спать у огня, то после еды, перед тем как зажмурить глаза ко сну, вспоминал:

"Грунька! Ах ты милая ты!"

Снилось старику в пути одно и то же: взрывает железный зверь болота - осушает их. И видит Епифаныч, вознесшись на колокольню, как обсохли болота - зыбучие пустыри, а с ними вместе высохли родники и лесные реки. Видит старика мечутся люди - воды ищут, мычит и ревет скотина - пить просит, а новые люди пришли, стоят на высохшей равнине, машут руками и велят распахивать обсохшие места плугом.

- Эй, епишина мать! А удобрять чем будете? - вскрикивает во сне Епифаныч и всегда просыпается, а проснувшись, вспоминает: "Ах ты Грунька! Ведь зарезало! Зверь железный, штоб ему..." Спит снова, а утром встает для нового пути, разводит огонь, ест кашу, щупает на вороту медную ушекопку, ту, что висит на грязном шнурке вместо креста, ковыряет в ушах, заросших седым пухом, и говорит вслух, разглядывая небо:

- Вишь ты, что... К мокрети, видимо, уши заложило.

Идет. Матерые сосны слегка шумят вершинами: играет на вершинах с отливами их влажных сучьев раннее солнце. Неоглядная даль синеет меж рыжими и серыми стволами; пахнет багульником, с низин морошкой потягивает; под его лаптем, окрашивая бересту в кровавый цвет, мнется черника.

- Вишь вот, рябина зачинает краску давать, не увидишь - и лето минет... которое ужо на веку?..

Согнал Епифаныч, проходя, стадо косатых, одна тетера прилепилась на сук сосны, втянула меж крыльев пугливую голову и клохчет. Старик привычно застыл на месте, лишь медленно тянет из-за спины ружье.

"Ах ты Грунька!"

Нашел мушку на дуле, рукой нажимает спуск, а выстрела нет. Глядит старик, а у ружья нет курка: соскочил курок, винт перержавел.

Калининградский охотничий клуб